

Гжегож Мотыка

Как классифицировать Волынскую трагедию в историческом и сравнительном контекстах? «Война в войне», геноцид и сталинские этнические чистки*

В польско-украинском конфликте 1943–1947 годов отчетливо выделяются две фазы. Первая продолжалась с февраля 1943 года до весны 1945-го и была связана с действиями ОУН(б) и УПА по «устранению» всех поляков с земель, которые члены этих организаций считали этнически украинскими¹. Вторая фаза хронологически частично накладывается на первую и начинается осенью 1944 года вместе с первыми депортациями польского и украинского населения и заканчивается 1947 годом, когда была проведена операция «Висла» и последовавшее затем уничтожение подполья ОУН в Польше.

В первой фазе конфликта с украинцами воевали все польские подпольные организации. В этот период сам факт принадлежности к конкретному этническому сообществу часто означал поддержку одной из воюющих сторон. И людей нередко убивали только за то, что они были поляками или украинцами, что наиболее ярко проявилось на Волыни, где безжалостно убивали всех людей польского происхождения.

Вторая фаза конфликта имела другой характер. Против общего врага – коммунистов – АК-ВиН и ОУН(б) с УПА заключили несколько локальных соглашений о ненападении и ограниченном сотрудничестве. С этого момента против УПА выступают власти «новой Польши», а также националистическое подполье, которое, однако, ограничилось проведением нескольких пачификаций. В то время как первая фаза конфликта держалась в тени антипольских чисток, которые проводила ОУН(б), событиям второй фазы придавали динамику директивы советской и польской коммунистических партий, жестко реализующих установку на создание этнически однородной Польши и «очищенной» от поляков Западной Украины. Если в 1943–1944 годах украинские националисты убивали смешанные семьи, считая их «ненадежными», то польские коммунисты в 1947 году во время операции «Висла» по аналогичной причине их насильственно выселяли.

* Этот текст опирается на заключительную главу монографии *От волынской резни до операции «Висла»: польско-украинский конфликт 1943–1947* (М.: РОССПЭН, 2014).

¹ Одной из наиболее важных последних публикаций по этой теме является: McBride J. Peasants into Perpetrators: The OUN-UPA and the Ethnic Cleansing of Volhynia, 1943-1944 // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 3. P. 630-654.

Нелегко подсчитать число людей, которые пали жертвой всех этих событий. Здесь не место обсуждать литературу предмета и интересные дискуссии, которые сопутствуют спорам на эту тему. Важно отметить, что больше всего поляков погибло на Волыни. По данным Владислава и Евы Семашко в 1943 году в этом регионе погибло не менее 33 тысяч поляков, среди них нам известны фамилии примерно 19 тысяч человек². Общее число погибших от рук украинских националистов находится в диапазоне от 40 вплоть до 60 тысяч человек. В случае Восточной Галиции реалистичными представляются оценки, в которых говорится о 30-40 тысячах польских жертв, в то время как на землях современной Польши погибло 6-8 тысяч поляков.

В свете приведенных расчетов похоже, что в результате операций УПА польские потери составили, вероятно, около 100 тысяч человек (причем скорее несколько меньше, а не больше 100 тысяч). Все другие гипотезы, в которых допускается гибель 150 или даже 200 тысяч жертв, не находят никакого подтверждения в серьезных научных исследованиях, а их частое озвучивание в СМИ можно объяснить разве что только стремлением к сенсации. Следует обратить внимание, что подавляющее большинство польских жертв погибло до заключения весной 1945 года соглашения между АК-ВиН и УПА (от встречи в районе Руды Ружанецкой до конца 1947 года от рук украинского подполья в Польше погибло около 3 тысяч человек, в основном – бойцы Войска Польского, Пограничных войск и Корпуса внутренней безопасности). Это показывает, насколько важным для польской исторической памяти является первый этап конфликта.

Много разногласий вызывает оценка украинских потерь. Десять лет тому назад я был, возможно, первым польским историком, который пытался, хотя бы приблизительно, их подсчитать. На основании известных мне в то время источников я пришел к выводу, что в результате польских действий погибло 15-20 тысяч украинцев. Сегодня, в свете новейших данных, я был бы склонен несколько уменьшить число украинских жертв. На Волыни от рук поляков, вероятно, погибли (не считая убитых вспомогательной полицией) от 2 до 3 тысяч украинцев. В Восточной Галиции были убиты 1-2 тысячи украинцев. Совершенно иначе выглядела ситуация на землях современной Польши. В 1943–1947 годах там погибло украинцев больше, чем поляков, наиболее правдоподобной представляется цифра в 8-10 тысяч жертв (3-4 тысячи до лета 1944 года и 5-6 тысяч с 1944 по 1947 год). В целом – от 10-11 тысяч до 15 тысяч убитых. В этом случае более высокие оценки не подтверждаются научными исследованиями. Подчеркну еще раз: приводимые в украинских учебниках цифры – 30, 50 и даже 70 тысяч убитых украинцев – просто взяты «с потолка».

Однако выше сказанное не отменяет того факта, что большинство украинских жертв – как и с польской стороны – принадлежало к гражданскому населению, и

² Siemaszko Wł., Siemaszko E. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945*. Warszawa, 2008. P. 1038, 1040, 1045, 1056.

нередко это были женщины и дети. Польские акции против украинского гражданского населения в нормальных обстоятельствах вызывали бы горькое недоумение, однако они меркнут в сопоставлении с утратами, понесенными польской стороной. Если сравнить жертвы Волыни, то разница просто поразительная: с польской стороны погибло, возможно, до 60 тысяч человек, а с украинской едва ли больше 2-3 тысяч.

Однако баланс страданий, которые принес польско-украинский конфликт 1943–1947 годов, не ограничивается числом погибших. Нельзя забывать о почти 1,1 миллиона поляков и 630 тысячах украинцев и лемков, которых заставили покинуть «малую родину» и имущество, нажитое их предками в течение веков. Все они оставляли свои дома с чувством незаслуженной обиды, испытывая в пути многочисленные унижения.

Приведенные цифры показывают, с каким важным фрагментом истории Польши и Украины нам приходится иметь дело. Для сравнения: во время польско-украинской войны 1918–1919 годов погибло около 10 тысяч поляков и 15 тысяч украинцев; кроме того, не было также и речи об изгнании людей из собственных домов. Поэтому не удивительно, что проблематика польско-украинских отношений в период Второй мировой войны и первых лет после ее окончания вызывает так много эмоций и регулярно становится темой общественных и политических дебатов.

Важная дискуссия среди историков идет вокруг языка, который используется для описания того, что произошло между поляками и украинцами в 1943–1947 годах. В этом языке фигурируют различные термины: «польско-украинский конфликт», «братоубийственная гражданская война», «антипольская акция ОУН(б) и УПА», наконец «этническая чистка» и «геноцид». Все они оказываются пригодными, когда мы пытаемся с их помощью описать и понять действительность того времени. «Конфликт», поскольку тогда мы имели дело с очевидным польско-украинским антагонизмом и борьбой за землю. «Гражданская война», потому что часть граждан Второй Речи Посполитой выступила против своих сограждан. «Антипольская акция», в свою очередь, является термином, который использовали украинские партизаны для названия операции против польского населения. В документах УПА этот термин часто фигурирует как эквивалент кодового названия, аналогичного такому понятию, как, скажем, «операция "Висла"». В то время как «этническая чистка» и «геноцид», как представляется, хорошо передают природу и правовую квалификацию событий того времени. Все эти определения, однако, обнаруживают свои слабые стороны, когда люди, которые к ним обращаются, пытаются не столько описать исследуемое явление, сколько ограничить его жесткими рамками дефиниций, чтобы таким способом оправдать преступление, или наоборот – так их представить, что всякая попытка размышлений и рефлексии о трагическом прошлом становится попыткой релятивизации зла, которому не может быть прощения.

Является ли резня на Волыни и в Галиции геноцидом?

Возможно, самые сильные эмоции вызывает вопрос, можно ли квалифицировать антипольские акции ОУН(б) и УПА как геноцид. Термин «геноцид» был введен в обиход в 1943 году польским юристом еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным, который еще до Второй мировой войны, под впечатлением информации об уничтожении более миллиона армян в 1915 году, заинтересовался проблематикой массовых преступлений против гражданского населения. Потрясенный зверствами, которые совершали нацисты, он предложил ввести в международное право понятие «геноцид», появившееся в результате сложения двух слов: греческого *genos* – «род», «племя» и *cide* – от латинского *caedere* – «убивать», для определения преступления, целью которого является истребление населения. Этот термин (в польском языке звучит как *ludobójstwo* – «убийство народа», «человеконенавистничество») получил международный правовой статус по решению Генеральной ассамблеи ООН в 1948 году. В принятой 9 декабря «Конвенции о предупреждении преступления геноцида наказании за него» геноцид был квалифицирован как «действие, совершаемое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». К категории геноцида отнесены убийства; причинение тяжкого вреда физическому или психическому здоровью членов этой группы; намеренное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы, ограничение деторождения или принудительная передача детей другой группе населения.

Сегодня большинство польских историков склонны считать, что совершенные ОУН(б) и УПА убийства имеют признаки геноцида. Более широко этот тезис развивает, приводя интересные, но спорные аргументы, профессор Рышард Шавловский³. Противоположную точку зрения по этому вопросу высказал только Константы Геберт («Давид Варшавский») – известный журналист, который часто обращается к проблематике нарушений прав человека. В интересной статье, опубликованной в еженедельнике *Polityka*, он пишет: «А как (...) в свете [дефиниции понятия «геноцид» – Г. М.] выглядит волынская резня? (...) И здесь факты не соответствуют критериям дефиниции. Целью украинских националистов не являлось убийство «полностью или частично» ни всех поляков, ни даже поляков на Волыни. Массовые убийства были инструментом реализации преступной политики, но не самоцелью. Их организаторы стремились изгнать поляков с территорий с этнически смешанным населением, их абсолютно не трогало, что какие-то поляки будут себе жить с другой стороны новой границы. Это была классическая этническая чистка. Это преступление также не отвечает другому

³ Szawłowski R. Trzy tematy z dziedziny «genocydologii» // Zbrodnie przeszłości: opracowania i materiały prokuratorów IPN / Ed. R. Ignatiew, A. Kura. Vol. 2. Warszawa, 2008. P. 23-33.

критерию дефиниции, а именно – намерению преступников истребить [поляков – пер.]. Это не было геноцидом»⁴.

«Этническая чистка», термин, который использует Геберт, часто противопоставляется «геноциду». Под понятием «этническая чистка» понимаются действия, целью которых является изгнание населения с данной территории и уничтожение материальных свидетельств их пребывания на этих землях. Такие «чистки» могут – хотя и не обязательно – сопровождаться преступлениями против гражданского населения. Одним из первых этническими чистками преступления УПА признал американский историк Тимоти Д. Снайдер в своей интересной книге *Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь 1569–1999*⁵; при этом он не утверждает, что тем самым он одновременно исключает использование термина «геноцид». Такой подход был позитивно воспринят частью украинских историков, возможно потому, что позволяет избежать дискуссии о том, как юридически квалифицировать воłyньскую и галицийскую резню.

Следует обратить внимание на то, что критериям термина «этническая чистка» соответствуют не только события на Воłyни и в Галиции, но и депортации 1944–1946 годов, а также операция «Висла». Однако вряд ли справедливо было бы ставить знак равенства между этими историческими явлениями, поскольку очевидно, что действия УПА изначально предполагали уничтожение гражданского населения, при том что во время выселений украинского и польского населения – при всей жестокости методов их проведения – убийства были скорее исключением, а не правилом.

Легко заметить, что граница между понятиями «этническая чистка» и «геноцид» достаточно размыта. И нет ясности, с какого момента убийства гражданского населения, которыми сопровождаются этнические чистки, можно считать геноцидом. По мнению части исследователей, решающее влияние на юридическую оценку должно иметь число жертв. Преступление против армян является геноцидом в силу огромного числа убитых – 1-1,5 миллиона человек. Однако если мы согласимся с этой точкой зрения, то столкнемся с проблемой морального и правового характера: кто и при помощи каких методов может установить, с какого именно числа жертв начинается геноцид? Именно к такой аргументации прибег один из югославских генералов, выдвинув его в качестве своего оправдания, когда его обвинили в том, что этнические чистки против мусульманского населения Боснии, которые проводили отряды под его командованием в 1991–1995 годах, имели характер геноцида. И хотя его подчиненные убили «только» тысячу босняков, суд признал его виновным в геноциде...

Возвращаясь к тексту Геберта, следует заметить, что в своей аргументации он исходит из ошибочных исторических предпосылок: он не прав, когда говорит об отсутствии планов физического истребления поляков. Анализ известных доку-

⁴ Warszawski D. [Gebert K.] Nazywanie nieszczęścia // Polityka. 2009. № 45. 7 listopada.

⁵ Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven, 2002.

ментов украинских националистов не оставляет сомнений в том, что не позднее весны 1943 года на Волыни было принято решение убить всех живущих там поляков. Более того, каждый из более ранних планов устранения польского населения с территорий, считавшихся украинскими, предполагал убийство большей или меньшей части поляков. Кроме того, операции по выселению – под угрозой смерти – поляков из Восточной Галиции, а также из части территории Люблинщины и Прикарпатья также предполагали убийства гражданского населения.

Между тем можно сомневаться, действительно ли ОУН(б) и УПА стремились уничтожить поляков «как таковых» или же рассматривали их в качестве препятствия для включения Волыни и других территорий в состав будущей Украины. С точки зрения националистов, антипольская акция была направлена против «оккупантов» Украины. Убийства поляков, следовательно, были не целью, а средством для создания моноэтничного украинского государства. Однако разве это влияет на юридическую квалификацию деяния? Ведь для бандеровцев «польскими оккупантами» были не только бойцы польского подполья, но и все поляки, даже младенцы. Кроме того, если следовать юридической формуле, нельзя не заметить, что турки убивали армян, в том числе опасаясь, что они будут претендовать на земли, где проживает армянское население, с целью оторвать их от Османской империи. Аналогичным образом в Руанде племена тутси и хуту в 1994 году (когда за несколько месяцев было убито около 800 тысяч тутси) не смогли разделить между собой землю и власть в государстве.

Как признает сам Константы Геберт, серьезным аргументом в пользу признания Волынской резни все же геноцидом являются приговоры Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и прежде всего – пример бойни в Сребренице, где сербы убили в 1995 году 8 тысяч мусульман (также в связи с территориальным спором), которую МТБЮ признал геноцидом. К приговорам МТБЮ и апеллирует следственный отдел Института национальной памяти, который расследует волынское преступление. В юридическом обосновании прокурора Петра Зайонца говорится: «Не имеет значения, (...) имел ли правонарушитель намерение дополнительно достичь еще одной цели (например, добиться этнической "чистоты" территории). Точнее говоря, уголовно-правовые последствия, связанные с преступным умыслом, могут коснуться преступника не только тогда, когда само это преступление является целью, но также и тогда, когда оно является средством достижения поставленной цели. В этом аспекте интересующее нас преступление на Волыни – убийство польского населения – не имело характера самостоятельной цели, а являлось средством добиться этнической однородности территорий, условием *sine qua non* создания независимой Украины. Подобное направление интерпретации критериев геноцида было присуще деятельности уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанды. В обвинениях против Радована Караджича и Ратко Младича, направленных в уголовный трибунал по бывшей Югославии, им, в частности, вменялось совершение геноцида (...). Для сербских лидеров, которые стремились создать великое

национальное государство, этнические чистки были лишь способом достижения поставленной цели. Однако прокурор не сомневался, что иницируя убийства хорватов, а в особенности мусульман, они совершили геноцид»⁶.

Выводы, к которым пришел Петр Зайонц, представляются правильными с одной только оговоркой: в случае волынской резни наиболее адекватными были бы ссылки на приговоры, в которых осуждались убийства тутси в Руанде. Поскольку можно найти много сходств между положением поляков на Волыни и тутси в «Стране тысячи холмов». Поляки/тутси, бывшие национальным меньшинством, в течение многих лет оставались привилегированной группой населения, а затем были жестоко убиты при помощи холодного оружия (топоры/мачете) живущими рядом с ними украинцами/хуту, которые боялись возвращения их к власти. И на Волыни, и в Руанде убивали всех, кто входил в группу, обреченную на истребление. Приговоры Международного трибунала по преступлениям, совершенным на территории бывшей Югославии, как представляется, в большей степени можно отнести к резне в Восточной Галиции, поскольку в этом случае речь шла об изгнании поляков под угрозой смерти. Так что пример геноцида в Сребренице, на который ссылается Геберт, следовало бы сравнить с преступлениями в Подкамне, Держове, Балигроде или Игровице.

По моему мнению, понятия «этническая чистка» и «геноцид» следует рассматривать не как взаимоисключающие, а как термины, которые могут взаимно дополняться либо перекрываться. Другими словами, я считаю, что хотя антипольская акция была этнической чисткой, в то же самое время она подпадает под определение геноцида. Можно сказать, что волынская и галицийская резня являются «геноцидными этническими чистками». Следует отметить, что в литературе предмета эти термины нередко используются как синонимы. Показательным примером является резолюция Генеральной ассамблеи Организации объединенных наций от 18 декабря 1992 года, осудившей проведение «отвратительной политики "этнических чисток", являющейся одной из форм геноцида»⁷.

Другим возможным способом дифференцировать эти явления было бы признание этнической чисткой такие случаи изгнания населения, которые не сопровождаются действиями, имеющими целью его физическую ликвидацию. Тогда волынская и галицийская резня были бы геноцидом, а насильственные переселения 1944–1946 годов – «только» этническими чистками. В пользу признания антипольской акции соответствующей критериям Конвенции ООН о преступлении геноцида свидетельствует практика приговоров международных уголовных судов, в соответствии с которой актом геноцида, или политики, направленной на истребление этнической группы, признаются все преступления, в которых наме-

⁶ Zając P. Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945: ocena karnoprawna zdarzeń w oparciu o ustalenia śledztwa OKŚZPNP w Lublinie // Zbrodnie przeszłości. Opracowania i materiały prokuratorów IPN. Vol. 2: Ludobójstwo. Warszawa, 2008. P. 44.

⁷ Цит. по: Резолюция 47/121 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года («ситуация в Боснии и Герцеговине»).

рением их исполнителей было прекращение – в результате их действий – существования определенной национальной, этнической или религиозной группы на данной территории, при этом неважно, шла ли речь обо всей стране, регионе или только о конкретном населенном пункте.

В то же время представляется сомнительным предложение профессора Рышарда Шавловского признать действия УПА геноцидом, превосходящим по своей жестокости немецкий или советский⁸. Однако не потому, что он не имел варварского характера. Речь о том, что, формулируя проблему таким образом, мы молчаливо признали бы, что убийство голодом украинских крестьян во время Голодомора 1932–1933 годов или изгнание немцами чернокожих гереро в пустыню, обреченных там на смерть без еды и питья, в Намибии в 1904 году было более гуманно. Между тем убийство польского населения топорами и пиками было действительно жестоким геноцидом, но также, а возможно, прежде всего, примитивным. Может быть, именно эта примитивность способов убийства отличает резню на Волыни и в Галиции (а также убийства тутси) от «современных» геноцидов, инициаторы и организаторы которых в заботе о самочувствии непосредственных исполнителей используют циклон «Б» или создают такие условия труда и жизни, чтобы «проблема» разрешилась сама собой.

Как оценивать польские ответные акции и операцию «Висла»?

Практика, согласно которой принято считать преступлением, имеющим признаки геноцида, каждое убийство, совершенное с целью прекратить существование на данной территории нежелательной национальной или этнической группы, представляется в наивысшей степени обоснованной. Однако это имеет свои правовые последствия также и при оценке польских ответных акций. В результате операций польского подполья часто погибали мирные жители, в том числе женщины и дети. И хотя число украинских потерь составляет 10-15% польских, многие ответные акции нельзя оправдать, поскольку они были направлены против невинных и незащищенных людей, причем некоторые из них даже могут иметь признаки геноцида.

Именно таким выводом заканчивается *Информация об окончательных результатах следствия S 28/02/Zi по делу об убийствах 79 человек – жителей уезда Бельск Подляский, в том числе 30 человек т.н. фурманов в лесу около Пухалов Старых, совершенных в период с 29 января 1946 года до 2 февраля 1946 г.*, подготовленная следственным отделом Института национальной памяти. Жертвами указанного преступления стали несколько десятков православных белорусов. Они были убиты из-за своей национальной и религиозной принадлежности от-

⁸ Szawłowski. Trzy tematy z dziedziny «genocydologii».

рядом польского националистического подполья. На основании анализа доступной базы юристы ИНП доказали, что «убийства фурманов и пацификацию села (...) нельзя отождествлять с борьбой за независимое государственное существование, поскольку они имеют все признаки геноцида. (...) Поэтому никакое обстоятельство не позволяет признать справедливости того, что произошло».

Трагические события в уезде Бельск Подляский в определенном смысле аналогичны пацификациям, которые происходили в отдельных украинских селах, например, в Верховинах, где бойцы Национальных вооруженных сил (НВС) в июне 1945 года убили почти двести украинцев. Точно так же и здесь в намерения исполнителей (правда, не высказанные открыто) входило избавиться от православного населения (хотя в этом случае – этнических украинцев) на территории Люблинского воеводства. Эту операцию невозможно объяснить действиями УПА, поскольку ее отрядов в Верховинах не было. Да, действительно, жители села с симпатией относились к коммунистам, однако бойцы НВС убивал не только членов ППР – как в тех поселениях, где жили поляки, – а всех, кого считали украинцами. Внимательный анализ этой карательной операции может привести к выводу, что совершенное в ходе ее проведения преступление носит такой же характер. Признаки геноцида, как представляется, имеют также убийства, совершенные отрядом «Волыняка» в Лежайске и Пискоровичах.

Однако сразу же заметим, что каждая польская ответная операция требует отдельного и тщательного расследования, поскольку они отличались как характером, так и причинами. Юридическая квалификация (хотя, конечно, не этическая) убийств отдельных случайных украинцев, которые имели место в 1944 году во Львовском воеводстве (например, в Блыщиводах или Сороках около Старого Села), представляется совершенно иной. Непосредственной причиной этих преступлений было стремление кровно отомстить за предыдущие нападения на поляков. И хотя эти действия также заслуживают морального осуждения, все же они скорее являются «только» военными преступлениями.

Однако подчеркнем: однозначная критическая оценка польских действий по отношению к украинскому гражданскому населению ни в коем случае не означает, что возможно ставить знак равенства между запланированным истреблением поляков на Волыни и в Восточной Галиции и локальными ответными операциями. Как показало расследование, командование АК старалось ограничить акции возмездия до абсолютного минимума – хотя бы опасаясь негативной реакции мирового сообщества. Иначе действовало руководство ОУН(б) и УПА, которое стремилось к полному устранению поляков со всех территорий, считавшихся украинскими, а массовые убийства беззащитного населения с самого начала входили в их планы. Поэтому с украинской стороны мы имели дело с организованной «сверху» операцией «чистки» территории от нежелательных национальных групп, в то время как с польской – с инициативами полевых командиров, которые руководствовались различными мотивами (часто просто слепым стремлением к

мести). Другими словами, с украинской стороны геноцидный характер имела антипольская акция в целом, с польской – некоторые пачификации.

Отдельной проблемой является оценка операции «Висла». Вопреки распространному в Польше мнению массовое выселение населения не являлось необходимым условием уничтожения подполья. Коль скоро удалось ликвидировать польские партизанские отряды в Белостокском воеводстве, в Мазовии или на Люблинщине, не прибегая к этому средству, это было возможно и в случае партизанского движения ОУН и УПА. Насильственные выселения проводили не потому, что они были единственным способом борьбы с УПА, а потому, что эта мера представлялась самой простой и легкой в осуществлении. Тот факт, что в ходе выселений пострадали тысячи невинных людей, для сталинской власти, которая регулярно прибегала к террору и репрессиям против собственного народа, не имел никакого значения. Отношение ко всем выселенцам как к потенциальным сторонникам подполья означало применение принципа коллективной ответственности к целому народу. И дело даже не в том, что у людей отбирали все их имущество, ибо власти старались тем или иным способом компенсировать им материальные потери на западных и северных землях (в связи с этим выдвигаемые сегодня требования вернуть прежним владельцам отобранные у них когда-то хозяйства представляются не только нереальными, но и спорными – за исключением, конечно, тех людей, которые отказались от помощи государства), речь идет об ограничении основного права людей на свободу выбора места жительства и о сопутствующей переселениям атмосфере террора и запугиваний. Тот факт, что решение о проведении насильственных депортаций было принято на основании постановления Политбюро ППР, дает полное право признать операцию «Висла», по меньшей мере, типичным преступлением коммунистического режима (согласно Закону об Институте национальной памяти).

Возможно, однако, что мы имеем дело с еще более серьезной проблемой. До сих пор нет ответа на вопрос, чего в действительности хотели коммунисты, выселяя украинцев на западные земли: предотвратить возрождение подполья или намеревались подвергнуть их таким способом денационализации? Весьма правдоподобным представляется утверждение, что в 1947–1952 годах правящие в Польше круги, стремясь к созданию этнически гомогенного государства, приняли решение о принудительной полонизации в том числе и украинского национального меньшинства. Хотя для уничтожения УПА выселения не являлись необходимыми, деятельность украинского подполья убедила деятелей ППР в том, что без перемещения населения в Польше останется определенная группа людей, считающих себя украинцами или лемками. Расселяя их по всей стране, власти хотели добиться, чтобы они отказались – рано или поздно – от своей этнической идентичности. Только согласившись с этим допущением, можно признать целесообразность столь масштабных, охвативших десятки тысяч человек выселений людей, часто никак не связанных с партизанским движением, а нередко и просто сторонников режима. Власть позорным образом «маскировали» операцию по

ассимиляции украинцев и лемков под борьбу с украинским националистическим подпольем для того, чтобы получить общественное одобрение своим действиям. Эта задача облегчалась тем, что о необходимости проведения политики ассимиляции национальных меньшинств давно и открыто говорили деятели эндеции. Если эта гипотеза верна, то мы имеем дело с предпринятой членами ППР попыткой так называемого этноцида. Этот термин относится к случаям, «когда какая-то группа исчезает – культурно и языково – не в результате массового уничтожения, а лишь вследствие "цивилизационного варварства"»⁹.

Независимо от того, признаем ли мы операцию «Висла» преступлением коммунистов или попыткой этноцида, она, бесспорно, была проведена по решению коммунистического Политбюро и состоялась в период прогрессирующей сталинизации Польши. Поэтому удивляет, что и сегодня у нее находятся сторонники, которые не только ее защищают и целиком оправдывают, но и считают ее проведение «этническим императивом». Тем самым эти люди совершенно безосновательно ставят знак равенства между ОУН(б) и УПА, деятельность которых власти действительно должны были прекратить, и всеми польскими гражданами украинской национальности, исходя из их априорной нелояльности. При этом они не замечают, что оправдывая подобным образом насильственные депортации 1947 года, они опасно приближаются к границе, которая отделяет нас от оправдания преступлений коммунистических режимов.

Польско-украинский конфликт памяти

События 1943–1947 годов серьезно отягощают польско-украинские отношения. Анализ работ, посвященных этой проблематике, внушает пессимизм. В большинстве украинских публикаций, написанных никак не националистами, рисуется образ, достаточно далекий от того, который представлен в трудах польских исследователей. Украинские авторы охотно говорят о причинах резни, которые, по их мнению, объясняются ошибочной национальной политикой Второй Речи Посполитой, а также нежеланием польского подполья признать справедливость стремления украинцев к независимости. Оценивая польско-украинский конфликт во время войны, они считают, что в 1943–1944 годах на Волыни и в Восточной Галиции между поляками и украинцами шла кровавая, беспощадная война, от которой пострадало гражданское население – как украинцы, так и поляки, причем число жертв не имеет значения. Таким образом, в 1943 году имела место война, в которой обе воюющие стороны совершили многочисленные и, по сути, равнозначные преступления.

⁹ Zajac. Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945. P. 22.

Яркой иллюстрацией подобного подхода служат слова далекого от симпатий к УПА Михаила Ковалю – сотрудника Национальной академии наук Украины (НАНУ), известного исследователя истории Второй мировой войны. Его книгу, посвященную судьбе Украины в этот период, опубликованную в популярной серии «Украина сквозь века», можно рассматривать как выражение неофициальной позиции НАНУ. В ней говорится: «Одним из главных объектов атак со стороны УПА стали партизанские отряды Армии Крайовой (...). Оуновцы предприняли попытку принудительного выселения поляков с западно-украинских территорий (...). Во взаимных террористических акциях погибло не менее 40 тыс. поляков – детей, женщин, стариков – и приблизительно столько же украинского населения, некоторые авторы говорят о 60-80 тыс. тех и других»¹⁰. Такой подход к польско-украинским отношениям во время войны преобладает среди украинских ученых, более того, думаю, он также неофициально определяет курс государственной политики в области истории.

С растущей радикализацией взглядов на общее прошлое мы сталкиваемся и в Польше, где все большую поддержку в обществе получает трактовка конфликта, которая формируется в так называемых националистическо-кресовых кругах, которые пользуются поддержкой среди части историков и журналистов. Согласно этой версии, практически единственной причиной действий ОУН(б) и УПА следует считать идеологию интегрального национализма, в основе которой лежала идея создания этнически однородного украинского государства. Следовательно, антипольские акции на Волыни и в Восточной Галиции были обусловлены стремлением фанатичных сторонников этой идеи, представляющих социально чуждую, маргинальную часть украинского общества, реализовать ее на практике. Конец геноциду положила только операция «Висла» – полностью обоснованная и оправданная, так же, как и предыдущие, отнюдь не систематические случаи польских ответных акций. Сторонники такой интерпретации не учитывают влияние политики Второй Речи Посполитой на формирование взглядов украинцев, поскольку считают, что даже «если существовали» факты дискриминации украинцев, то они «были чем-то маргинальным». По их мнению, антипольские действия УПА на Волыни и в Восточной Галиции следует приравнять к преступлениям, совершенным нацистской Германией и Советским Союзом. Они представляют собой «третий геноцид», превосходящий по своей жестокости действия нацистов и коммунистов. В связи с этим каждый случай использования таких понятий как «конфликт» или «антипольская акция» является релятивизацией преступлений, совершенных украинскими партизанами, поэтому единственно допустимым термином, который должен и может присутствовать в научном и общественном дискурсе, является геноцид.

¹⁰ Коваль М.В. Україна в другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999. С. 153.

Представляется очевидным, что в своей оценке событий того времени поляки и украинцы стоят на разных, совершенно противоположных позициях. Причем, как одна, так и другая сторона отличается упрощенным подходом к действительности. Легко заметить, что украинская трактовка событий, о которых идет речь, сконструирована таким образом, чтобы избежать однозначной оценки бандеровских инициатив. Фокусируя внимание на борьбе против АК, украинские исследователи создают впечатление, что на Волыни и в Восточной Галиции шла партизанская война, в которой в равной степени участвовали обе стороны, а карательные операции – пачификации – проводились только против тех сел, которые находились под защитой вооруженных формирований. И хотя они признают, что в результате действий УПА пострадало невинное польское население, сразу же эта информация уравнивается словами об убийствах невинных украинцах. Кроме того, раз польские власти были столь неуступчивы по отношению к украинцам, значит поляки лишь дорого заплатили за собственную политику. Таким образом, они не только ставят на одну доску действия АК и УПА, но и, что существенно важнее, искажают суть того, что происходило на Волыни и в Восточной Галиции. Из таким образом сконструированной версии событий украинский читатель никогда не поймет, что УПА проводила масштабную и необычайно кровавую геноцидную этническую чистку.

К сожалению, украинская сторона нередко априори считает польские оценки антипольских акций УПА проявлением предубежденности. Поэтому вместо дискуссий по вопросу юридической квалификации резни на Волыни и в Восточной Галиции мы можем столкнуться с утверждением, что каждый, кто согласен с тем, что это был геноцид, является противником Украины и взаимного диалога, заражен антиукраинскими стереотипами или просто поддался шантажу со стороны польских националистическо-кресовых кругов.

Однако подобные упрощения характерны и для картины событий, которую рисуют кресовые круги. Ставя знак равенства между членами ОУН и УПА, с одной стороны, и нацистами и советской властью – с другой, они пытаются создать впечатление, что мы имеем дело с чем-то вроде внешней экспансии и украинской оккупации восточных кресов. Между тем, как бы ни оценивать действия ОУН и УПА, их деятели были гражданами Второй Речи Посполитой, выступившими против польских сограждан, а не жестокими захватчиками-агрессорами. Третий рейх и СССР были субъектами международного права, а ОУН – подпольной террористической организацией. Целью беспощадной оккупационной политики Германии и СССР было завоевание всей Польши. В то время как поляков и украинцев разделил спор о будущей границе. И, наконец, для украинских националистов поляки были ненавистными оккупантами, а для нацистов – стоящими на самом низком расовом уровне недочеловеками, которых они намеревались превратить – после уничтожения интеллигенции – в нацию рабов. В свою очередь, для советской власти они были «польскими панами». Которых следовало уничтожить или «перевоспитать».

Сосредоточение внимания на идеологии интегрального национализма, в свою очередь, освобождает польских участников дискуссии от необходимости отвечать за ошибки национальной политики Второй Речи Посполитой. Противопоставление термина «геноцид» всем другим определениям, посредством которых описываются события того времени, не позволяет заметить, что всех поляков и украинцев, живших на территории Волыни и Восточной Галиции, разделил в то время глубокий конфликт, связанный с будущей государственной принадлежностью, условно говоря, Львова и Дрогобыча. Кроме того, тезис о социальной чужеродности националистов используется польскими авторами для создания нарратива, в котором полностью отрицается факт, что они были выразителями надежды и боли тысяч западных украинцев (особенно во время сталинских репрессий в СССР в 1944–1953 годах), мечтавших о создании собственного государства. Иногда даже создается впечатление, что цель этих авторов состоит в том, чтобы поставить на одну доску преступления против поляков и украинские устремления к независимости.

Если мы и вправду хотим – в соответствии с действительностью – описать то, что произошло во время Второй мировой войны между поляками и украинцами, необходимо использовать в равной степени как термин «геноцид», так и «вооруженный конфликт». В 1943–1945 годах шла «война в войне» – война между поляками и западными украинцами в рамках Второй мировой войны. Ее можно рассматривать как попытку украинцев «исправить» последствия вооруженного конфликта 1918–1919 годов, в котором они потерпели поражение, а начало этой войны положила организованная ОУН(б) и УПА резня на Волыни. Украинские националисты, понимая собственную слабость и одновременно считая террор и насилие неотъемлемой частью политики, решили разрубить гордиев узел на Волыни и в Восточной Галиции при помощи геноцидной антипольской акции. Открытый конфликт между польским и украинским подпольем со всей очевидностью привел к многочисленным вооруженным столкновениям, а на Люблинщине – к возникновению еще одной, неформальной линии фронта. Однако это не должно заслонять собой факта, что главной жертвой этой войны было незащищенное гражданское население, не представлявшее никакой угрозы для украинских партизан. В фразе «мы имели дело с польско-украинским конфликтом, в ходе которого была проведена геноцидная антипольская акция», в равной степени важны как первая, так и вторая ее часть. Заметим, что подобная постановка проблемы не имеет ничего общего с релятивизмом – даже в случае геноцида тутси одновременно шла война Руандийского Патриотического Фронта против правительства, большинство которого составляли тутси.

Если искать аналогии деятельности УПА, то следует присмотреться не к действиям немцев и советской власти, а к отношениям между хорватами и сербами в годы Второй мировой войны. Без сомнения, хорватские усташы много чем походили на членов ОУН. Более того, методы, которые применяла к сербам правящая

в Хорватии команда Анте Павелича, очень напоминают проекты политики в отношении поляков, подготовленные для правительства Ярослава Стецко.

Вторая фаза конфликта осталась в тени сталинских этнических чисток. В 1944–1946 годах они затронули как поляков, которых изгоняли из Волыни и Восточной Галиции, так и украинцев с лемками, насильственно выселенных с территории современной Польши. В 1947 году следующая этническая чистка охватила остававшиеся еще в Польше национальные меньшинства украинцев и лемков, которых депортировали на западные и северные земли. Выселения, происходившие по воле Сталина (во время операции «Висла» также Берута и Гомулки), были элементом великого переустройства Центральной Европы по советскому образцу. Оно произошло бы независимо от действий бандеровцев, хотя, возможно, не имело бы столь масштабного характера.

В современных польско-украинских спорах о прошлом полякам так же, как и украинцам, предстоит усвоить еще немало уроков. Законным правом украинцев является уважение памяти тех, кто сражался за свободу своей родины. Однако сегодня украинцам следовало бы взять на себя труд ответить на вопрос: в сражении за независимость все ли средства борьбы можно считать оправданными? Может быть, был прав митрополит Андрей Шептицкий, который в проповеди, произнесенной после одного из покушений, сказал: «Преступлениями народу не служат»? А поляки имеют право – и даже моральную обязанность – чтить память жертв волынской и галицийской резни. Этот трагический этап польской истории и один из наиболее кровавых эпизодов Второй мировой войны также должен найти свое место в школьных учебниках. Однако при этом нельзя забывать и о том зле, которое причинили поляки.

Перевод с польского: В. Т. Веденеева